

Моей матери Тамаре Петровне Крыловой

Введение

Женщина-ветеран как мемуарист Великой Отечественной войны

— Мама, я не могу объяснить тебе этого, — сказала Таня, — но я на фронт хочу. Я не хочу в тыловой... Я, если в тыловой будут назначать, попрошусь на фронт. <...> Вот в подполье была и с трудом представляю, как опять на это пойти. Боюсь! А на фронт не боюсь. Не представляю себе, как же так: война еще идет, а я не буду на фронте... Мы когда в подполье были, я у одной старухи там жила, мы ночью, бывало, с ней лежим, не спим — она тоже врач была, — лежим, не спим, и я ей говорю: «Софья Леонидовна, чего бы я только не дала, чтобы сейчас на фронте быть! Какое это счастье — где-нибудь в медсанбате находиться среди своих! Вы меня понимаете?» Мы о фронте как о счастье говорили. Мы же среди немцев жили, понимаешь? Нас каждую минуту взять могли.

Монолог Тани Овчинниковой из романа Константина Симонова «Солдатами не рождаются» (вторая часть трилогии «Живые и мертвые») [Симонов 1982: 20]

— Пришла — пусть заходит, — услышала я голос <лейтенанта>. <...> — начал Самусев. — Решили мы вас временно оставить при штабе вместе с санинструктором Марией Ивановной. Кровь бросилась мне в лицо:

— Разрешите, товарищ лейтенант! <...> Санитаркой быть не могу. Раненых перевязывать не умею. Меня учили стрелять из пулемета. <...> Я пулеметчица, товарищ лейтенант!

«Опаленная юность». Военные мемуары Зои Медведевой, советской пулеметчицы, старшего лейтенанта, женщины — командира роты пулеметчиков-мужчин во время Великой Отечественной войны [Смирнова-Медведева 1967: 14]

Весной 1967 года одним из официальных мест для чествования Девятого мая — Дня Победы Советского Союза над нацистской Германией — был выбран Севастополь. Закрытый портовый город праздновал двадцать пятую годовщину своей героической обороны — 250 дней противостояния глубоко за линией фронта.

Став нерабочим днем в 1965 году, Девятое мая быстро приобретал статус второго по значению праздника страны. Все новые и новые общественные ритуалы, которые знаменовали этот день, были бы просто невозможны без государственной инициативы и поддержки. Военные парады в крупных городах, юбилейные медали для ветеранов, приуроченные к годовщинам песни, выпуск военных кинофильмов и телесериалов, празднования отдельных дат — таких как 25-я годовщина героической обороны Севастополя.

Новые масштабы всенародного празднества, однако, не отменили народные ритуалы памяти, созданные самими бывшими бойцами до 1965 года¹. Пока главные города страны готовили свои центральные площади для парадов в честь Победы, тысячи советских людей, как и в предыдущие годы, преображались, превращаясь из повседневно одетых граждан в воинов-ветеранов. Они облачались в свои лучшие костюмы, некоторые надевали военную форму или добавляли к гражданской одежде военные атрибуты: ордена, медали, нашивки за полученные на войне ранения. Превратившись в ветеранов, они выходили из дому и на несколько дней делили советское общество на тех, кто воевал, и тех, кто на фронте не был. Среди ветеранов-воинов, подобным образом требовавших признания своего военного прошлого, было немало женщин.

Во время войны в регулярных частях Красной армии служили 520 тысяч женщин, а еще 300 тысяч проходили службу в боевых и тыловых подразделениях ПВО. По степени участия женщин в войне СССР превосходил показатели британских, американ-

¹ О развитии советского ветеранского движения и о его культуре см. [Зубкова 1993; Edele 2008: ch. 7–8].

ских и немецких вооруженных сил. Желание участниц войны публично заявить о своем военном прошлом составляло привычную особенность как неформальных, так и официальных празднований Победы в 1960-е и последующие годы, вплоть до наших дней. Чтобы влиться в сообщество ветеранов и подчеркнуть при этом его неоднородный гендерный состав, они создавали подчеркнуто женские образы ветерана-воина. Они надевали награды, но отнюдь не избегали макияжа. Разнообразные сочетания гражданской и военной одежды дополнялись традиционными женскими аксессуарами: платочками, ювелирными изделиями, шляпками.

Их возраст также подчеркивал специфические черты этого «женско-мужского» образа советского ветерана. В шестидесятые им было около сорока; самым «пожилым» было ближе к пятидесяти; они принадлежали к первому советскому поколению, которое оканчивало школу в сталинское время и в 1941-м в массовом порядке отправилось на фронт добровольцами. Как и их сверстники-мужчины, они составляли самую молодую когорту ветеранов и выглядели удивительно молодо среди украшенных орденами и медалями мужчин, бывших на десять, двадцать, а иногда и на тридцать лет старше них. Примечательный факт: летом 1945 года, накануне демобилизации, молодые женщины составляли более 70 % всех солдат-комсомольцев — тех, кому было тогда от семнадцати до двадцати шести лет. В послевоенные годы присутствие женщин на встречах ветеранов становилось все заметнее. В настоящее время участницы войны составляют большинство на многих ветеранских собраниях. Учитывая возрастную и гендерный профиль советского солдата Великой Отечественной войны, последним оставшимся в живых ветераном в России вполне может оказаться женщина [Еремин, Исаков 1977: 91] (илл. 1).

Но давайте вернемся в 1967 год, в Севастополь. Признание Дня Победы государственным праздником облегчило ветеранам возможность ежегодных майских встреч и далеких поездок, иногда на другой конец страны. Теперь они были почетными гостями на юбилейных торжествах в память знаменательных битв

Илл. 1. Ветераны в День Победы у Большого театра. Москва. 9 мая 1998 года. Фото автора

(расходы по проведению таких торжеств брало на себя государство) [Ракобольская 2002: 129; Хренов 1975: 212]. Бóльшая часть ветеранов — защитников Севастополя, приглашенных местной властью на чествование двадцатипятилетнего юбилея обороны города, не бывала здесь с войны. Разбившись на группы, они гуляли по вновь отстроенному городу и разыскивали в его окрестностях свои старые окопы и землянки.

Вспоминая этот день, Зоя Медведева, ветеран 25-й пехотной дивизии, писала: «Мы любовались возрожденным Севастополем, вспоминали товарищей и прошлое. Далекое прошлое с могучей силой вставало перед мысленным взором». И далее, мысленно углубляясь в военные годы:

Вот тут, на бывшем рубеже, где снова шумит молодой лесок, уходили в поиск снайпер Володя Заря и разведчик Василий Кожевников. Здесь они спасли в бою старшего лейтенанта

Ивана Самусева. <...> Здесь находился дот № 1... Из этого дота я вела огонь, сдерживая натиск гитлеровцев в тяжелые дни их июньского штурма... [Смирнова-Медведева 1967: 142–143].

Весной и летом 1943 года Медведева почти двести дней не отходила от своего пулемета [Хренов 1975: 213].

В мае 1967 года Медведевой было сорок пять лет. Она была женой и матерью, инвалидом войны, но продолжала работать и активно участвовала в ветеранской деятельности, не упуская из виду своих однополчан. Цитируемая выше книга ее воспоминаний, «Опаленная юность», вышла в конце 1967 года в серии «Военные мемуары».

Я прочла эту книгу через много лет после ее публикации. Мое поколение, росшее в послевоенные годы, не склонно было размышлять о судьбе тех женщин, которые то и дело встречались в толпе на майских встречах ветеранов. Что они делали на фронте? Что хотели донести до послевоенного общества и сохранить в памяти потомков? Ответы казались слишком очевидными, и потому не возникало самих вопросов. Разумеется, эти женщины были медиками, санинструкторами, телефонистками, радистками, писарями, переводчицами, водителями, механиками — вот перечень военных профессий, которые литераторы, сценаристы и режиссеры приписывали участницам войны в бесчисленных послевоенных романах и фильмах. Непременные героини второго плана, цветковые пятна на декорациях военной поры, все эти женщины, находившиеся на линии фронта или неподалеку от нее, для советского читателя, кино- или телезрителя были не совсем солдатами².

² См., например: *Бондарев Ю.* Последние залпы (1959); *Гроссман В.* Жизнь и судьба (1961; опубл. 1988); *Бакланов Г.* Пядь земли (1960); *Кондратьев В.* Сашка (опубл. 1979); *Окуджава Б.* Будь здоров, школяр! (1961); а также фильмы: «Иваново детство» (1962), реж. А. Тарковский; «Женя, Женечка и Катюша» (1967), реж. В. Мотыль; «Освобождение» (сериал, 1968–1971), реж. Ю. Озеров; «Горячий снег» (1972), реж. Г. Егиазаров; «Аты-баты, шли солдаты» (1976), реж. Л. Быков.

Основополагающий образ коллективной памяти, связанный с ролью женщин на фронте, был предложен в знаменитой трилогии Константина Симонова «Живые и мертвые», опубликованной в 1959–1971 годах. Прославленный военный корреспондент, один из наиболее заметных сторонников критического переосмысления сталинизма, Симонов попытался порвать с официально-триумфальной историей Великой Отечественной войны, которая все еще продолжала задавать тон в общественной памяти 1950-х годов. В его романах изображение военной поры — первоначального разгрома, последующих впечатляющих побед и неизмеримых людских бедствий — отклонялось от канона одномерно-победоносного рассказа.

Первый из романов — «Живые и мертвые» — посвящен 1941 году, времени поражений Красной армии. Чтобы передать масштаб военной и гуманитарной катастрофы, когда советские войска, насчитывавшие перед войной пять миллионов бойцов, почти растаяли, потеряв около четырех миллионов человек всего за несколько месяцев, Симонов выдвинул в центр романа необычного героя — солдата, прорывающегося из немецкого окружения и размышляющего о случившемся с ним на войне³. Перед читателем предстал невиданный в предшествующей литературе герой — советский человек, который осмеливался думать и говорить не в унисон с принятым в сталинские годы повествованием о войне. Вопросы, которые задавали персонажи Симонова, приходили в голову многим. Почему вообще произошла катастрофа 1941 года и кто несет за нее ответственность?

В 1959 году публикация «Живых и мертвых» стала водоразделом в культурно-политической жизни послесталинского общества. Роман превратил ход прошедшей войны в один из самых острых

³ Число красноармейцев, попавших в плен летом и осенью 1941 года, сильно различается в разных источниках. Согласно послевоенным подсчетам советских властей, РККА потеряла в операциях лета — осени 1941 года 3 987 700 бойцов, из них 1 145 800 ранеными и более 2 000 000 пленными. Немецкие источники называют гораздо более высокую цифру пленных: 3,3 миллиона [Mawdsley 2005: 102–103]. Об общем числе советских военнослужащих, попавших в плен в 1941–1945 годах. см. [Кривошеев 1993: 130–131].

вопросов, обсуждавшихся в обществе. Вклад Симонова в общественное осмысление места женщин-ветеранов и их роли на фронте был не менее весомым, хотя и неоднозначным. Созданная им героиня, «маленькая докторша», фронтовой медик, Таня Овчинникова, которая, по воле писателя, определяла свою роль на фронте как лежащую за пределами собственно солдатского призвания, была не менее культурно значимой. В качестве второстепенной героини Таня выполняла важнейшую задачу в предпринятом Симоновым сложном осмыслении понятий «фронт», «солдат», «женщина»: ее присутствие позволило автору показать, что фронт перестал быть местом для одних мужчин. В изображении Симонова мужскими остались только статус и устремления бойца [Симонов 1960: 137].

На протяжении следующих тридцати лет образ Тани — литературный архетип находившейся на фронте, но непосредственно не сражавшейся женщины — стал неотъемлемой деталью советских военных бестселлеров и кинематографических блокбастеров. В них женщина — санинструктор, телефонистка, радистка, механик, только не солдат — оказывалась важной и не вызывавшей споров фигурой, представлявшей коллективный опыт всех участниц войны⁴. Образ Тани получил широкое распространение по мере роста тиражей «Живых и мертвых»: от обычного для СССР двухсоттысячного в 1960-х годах до двух миллионов экземпляров в начале 1980-х⁵. Когда в 1964 году первая часть трилогии Симонова была экранизирована, Таня приобрела кинематографический облик, и к концу 1966 года с ней познакомилось более восьмидесяти миллионов человек.

Невероятность симоновского гендерного сценария с его четко разграниченными мужскими и женскими призваниями во фронтовой жизни и смерти стала очевидна мне только тогда, когда я перечитала роман с точки зрения литературы, созданной

⁴ Об исключениях из этого коллективного образа находившихся на фронте, но не сражавшихся женщин, таких как повесть Бориса Васильева «А зори здесь тихие» (1969), см. в моей работе [Krylova 2010].

⁵ См., например, издание «Живых и мертвых» 1960 года, вышедшее в «Советском писателе» (200 тыс. экз.), и издание 1982 года, вышедшее в «Просвещении» (2 млн экз.). См. также [Youngblood 2007: 136].

женщинами и мужчинами — ветеранами. Книга Медведевой, которая вышла только одним тиражом (в шестьдесят пять тысяч экземпляров) и никогда не была экранизирована, принадлежала к другому жанру советской военной литературы — мемуарной. В 1960–1980-е годы этот жанр переживал расцвет, но диапазон его читателей никогда не выходил за пределы круга самих ветеранов и, в лучшем случае, их родственников. Подобные мемуары обычно пылились в книжных магазинах в малоинтересных для публики отделах военно-патриотического воспитания.

Ко времени севастопольской встречи 1967 года мемуары Медведевой еще не вышли в свет — оставалось несколько месяцев, — но новость о том, что они завершены, была событием как в жизни самой Медведевой, так и в жизни ее полка. Этих мемуаров ждали. Медведева работала над ними более десяти лет, с начала 1950-х годов, а сама идея их написать родилась еще на фронте. Первую записную книжку она завела в тех самых окопах, которые осматривала в 1967 году. Деля записи урывками между боями, она уже тогда пообещала своим товарищам, что сохранит память о них для потомков. Некоторые из однополчан Медведевой тоже писали — короткие автобиографические заметки для юбилейных сборников, выходивших в преддверии празднования Дня Победы, но никто из них не замахнулся на создание масштабной картины участия полка в боевых действиях. В послевоенные годы об этом добровольно взятом на себя обязательстве — рассказать историю «нашей обороны» — однополчане Медведевой помнили как о данном ею «обещании» [Смирнова-Медведева 1967: 142–143]⁶.

Книга Медведевой, так же как и «Живые и мертвые», посвящена первому году войны, который Зоя провела в боях в осажденных городах, окружениях и отступлениях. Однако ее рассказ — в основном о военных поражениях — ставит под вопрос привычные образы, приписываемые советской массовой культурой солдатам и ветеранам войны.

В июне 1941 года, в возрасте 19 лет, Зоя Медведева ушла на фронт добровольцем. Это было время, когда ни она, ни отвечав-

⁶ См. также предисловие ко второй книге воспоминаний Медведевой [Крылов 1972: 4].

шие за призыв военкомы еще не представляли масштабов разгрома Красной армии. В военкомате лейтенант записал ее в пулеметный расчет, где и сбылась ее мечта попасть на фронт «не телефонисткой, не медицинской сестрой даже, а настоящим бойцом». Боевое крещение Медведева получила в осажденной Одессе в августе 1941 года. Менее чем через два месяца, когда советские войска оставили город, она вместе со своей 25-й стрелковой дивизией уже участвовала в обороне Севастополя. Там она стала командиром укомплектованного бойцами-мужчинами пулеметного взвода, с которым в течение семи месяцев защищала одну-единственную позицию — дот № 1. Однако, как повествует Медведева, ни в этом доте, ни в других пунктах обороны защитники Севастополя не делились на взаимоисключающие группы мужчин-бойцов и женщин-*небойцов* [Смирнова-Медведева 1967: 4; Медведева 1972: 8–9].

Военные воспоминания Медведевой не просто вносят коррективы в гендерный облик советского солдата. То, как она понимает свою роль сражавшегося на передовой бойца, заслуживает особенного внимания. Помимо описания ранее неизвестных фактов, книга Медведевой отличается еще и особым языком интерпретации этих фактов, который позволяет ей рассказать свою историю, не прибегая к доминирующим нарративам послевоенных лет.

Не соглашаясь с описаниями женщин и мужчин в популярных романах и фильмах о войне, Медведева представляет себя как девушку-пулеметчицу и преподносит читателю это самоопределение как вполне легитимный вариант образа советской женщины. Более того, в ее сложном, кажущемся парадоксальным рассказе о людях и событиях войны априорная установка — «у войны не женское лицо» или «сражаться должны и могут только мужчины» — рассматривается как отнюдь не универсальная по отношению ко всем попавшим на фронт мужчинам и женщинам⁷.

⁷ Известная художественно-документальная книга Светланы Алексиевич «У войны — не женское лицо» является версией традиционного гендерного нарратива, который доминировал в послевоенной литературе и кино в 1950–1970-х годах. См. [Алексиевич 1985].

Так, в начале своих мемуаров Зоя вспоминает, как она, пройдя несколько кругов гражданских и военно-бюрократических мытарств и уже обучившись пулеметному делу, прибыла летом 1941 года на фронт, с уверенностью в том, что ее призвание «женщины-бойца» должно быть общепризнанно. Разумеется, подобная претензия встретила сопротивление и вызвала эмоциональную бурю у бойцов-мужчин. Однако такая, вполне предсказуемая, реакция (которую обычно акцентируют в традиционных исторических повествованиях о советских женщинах на передовой) была совершенно не неизбежна как в 1941 году, так и на протяжении всей войны.

Зоя, к примеру, вспоминает, как ее первый боевой командир — молодой человек, ненамного старше Зои, — не имел твердого мнения относительно той роли, которую должна играть на войне женщина. Для него этот вопрос был открытым. Другого бойца — санитаря, с которым Зоя познакомилась в это же время, — она охарактеризовала как «прирожденного» санинструктора, не рвущегося в бой — в отличие от нее самой, «прирожденной» женщины-бойца. Год спустя, когда в возрасте 20 лет Зоя стала командиром состоявшего из мужчин пулеметного взвода, гендерная ситуация вокруг нее и других солдат и офицеров, мужчин и женщин, оказалась совершенно не сводима к традиционной (то есть взаимоисключающей и построенной на иерархиях) системе приписывания мужчинам и женщинам определенных характеров и ролей. Как мы увидим в дальнейшем из воспоминаний Зои и ее современников, на передовой безусловно сохранялась гендерная дифференциация, однако она не была — если воспользоваться термином современной гендерной теории — основана на бинарных оппозициях взаимоисключающих женских и мужских начал, априорно наделяемых различными качествами, значениями и правами. Отказываясь от традиционной репрезентации различий мужского и женского, Зоя представляет читателю иные типы (или «концепции») женщин и мужчин. Такие «мужчины» и «женщины» уже не принадлежат к двум взаимоисключающим лагерям. Они распределены между множеством призваний и ролей: одни мужчины — санитары, другие — солдаты; одни женщины —

офицеры, другие — домохозяйки в тылу. В результате в Зоинем мире нет раз и навсегда закрепленных качеств и возможностей, применимых только к мужчинам или только к женщинам [Смирнова-Медведева 1967: 13–14].

Мемуары Медведевой, один из множества исторических голо-сов и документов, которые нам предстоит рассмотреть, эффек-тивно подчеркивают концептуальную бедность традиционной схемы гендерных отношений, которую послевоенная массовая культура приписывала прошедшей войне и сообществу ветера-нов. Характерное мировоззрение Медведевой и ее современников не вмещается также и в рамки современной гендерной теории с ее ограниченными возможностями концептуализации истори-ческого разнообразия женских и мужских субъективностей. В своих работах я постоянно обращаюсь к вопросу о том, каким образом советский опыт может развить и обогатить современную гендерную теорию. Если не бинарное, то какое представление о различиях женского и мужского было определяющим для судеб и воспоминаний этих людей? И какая теоретическая модель способна их описать? В работе «Проблемы гендерного анализа и постструктурализм» я предложила новые теоретические пара-метры гендерного анализа, способные охватить тот вид советской субъективности, который мы наблюдаем в воспоминаниях Зои Медведевой [Krylova 2016]⁸.

Если обратиться к статистике и социальной истории, предмет моего исследования включает более 120 тысяч женщин из полумиллиона служивших в действующей армии во время войны: пулеметчицы и минометчицы, снайперы, артиллеристы, боевые летчицы и младшие командиры в мужских, а также в смешанных и полностью женских частях⁹. Их история неотрывно связана

⁸ Работы, определившие развитие гендерной истории в США, ее концептуаль-ные возможности и рамки, хорошо известны; см. [Scott 1986; Walkowitz 1992; Roberts 1994]. Критический анализ западной гендерной и феминистской мысли см. в [Boydston 2008; Barlow 2004; Mohanty 1991].

⁹ О том, как подсчитывается число принимавших участие в боях женщин, см. главу четвертую.

с историей сотен тысяч мужчин и женщин в государственных, партийных, военных учреждениях и подразделениях, которые непосредственно участвовали в подготовке женщин — солдат и офицеров и участвовали с ними в боевых действиях. Чтобы понять масштаб этой цифры — 120 тысяч непосредственных участниц боев на советско-германском фронте, — достаточно вспомнить, что немногим более 800 тысяч американских солдат-мужчин (около пяти процентов всех вооруженных сил США) были участниками сражений Второй мировой войны [Linderman 1997: 1].

Но предмет моего исследования не исчерпывается социальными и организационными аспектами этой истории. В центре книги, как должно было уже стать понятно, — женщина-солдат как культурно-психологический феномен довоенного и военного периодов в истории Советского Союза. Именно готовность Медведевой рассказать свою историю войны в послевоенном обществе, чья массовая культура пыталась забыть о ее существовании, делает Медведеву исторической загадкой, субъектом, чья конституция и чье упорство, проявлявшееся и до, и после 1960-х годов, ставит перед историком вопрос, продуктом какой культуры была Медведева.

А еще Медведева и ее поколение выступают в этой книге в роли критиков современных нарративов о войне и концептуальной упрощенности, которую эти нарративы продолжают приписывать довоенным и военным образам жизни в советском обществе. Такие фильмы, как «Битва за Севастополь» (2015), безусловно, рассказывают гендерную историю войны в симоновском гендерном ключе. Посвященный снайперу Людмиле Павличенко, которая, как и Медведева, воевала под Одессой и Севастополем, фильм настаивает на фундаментальном разграничении и противопоставлении женских и мужских начал и, как следствие, подсознательном неприятии даже праведного военного насилия женщиной-снайпером. Нам остается выяснить, почему ни Павличенко, ни Медведева, ни другие исторические героини этой книги, женщины и мужчины, так не считали.

В послевоенные годы Медведева с ее амбициями написать историю войны на своем гендерном языке и занять значимое место в коллективной памяти была не одинока. Ее воспоминания оказались частью обширного потока мемуаров и сборников воспоминаний, в которых женщины-бойцы выступали в различных ипостасях: офицеры, командовавшие пулеметчиками-мужчинами; пилоты, управлявшие бомбардировщиками, истребителями и штурмовиками; снайперы, которые помимо выполнения своих специальных боевых заданий участвовали в боях наряду с рядовыми солдатами-мужчинами; артиллеристы; танкисты. Опираясь на традиции как классической русской литературы, так и социалистического реализма, на которых они были воспитаны, эти женщины превратили свои мемуары в сложную и гибридную литературную форму, включавшую сцены, диалоги, очерки-портреты и критические размышления о своей довоенной социализации и фронтовом опыте (илл. 2).

Ветераны-мемуаристки приписывали своей новой идентичности советской женщины-бойца культурно-историческую уникальность и значимость. Указание на историческую значимость выдавало отчетливо феминистскую (хотя таких выражений никто не использовал) стратегию: не только доказать способность женщин участвовать в современной войне, но и трансформировать самих героев и сами нарративы этой войны¹⁰. Еще на фронте женщины-военные начали писать о своем историческом прорыве: в письмах домой, в записных книжках и дневниках, в рукописных литературных журналах. Писали они и в армейской и общесоюзной прессе. В их понимании те новые гендерные отношения, в создании которых они участвовали, были неотрывно связаны с историей советского общества и государства.

¹⁰ Анализ этой осознанной и радикальной интенции и культурной среды, в которой она сформировалась, до сих пор не ставился во главу угла в работах, посвященных проблеме советской женщины и Великой Отечественной войне; см. [Pennington 2001; Иванова 2002; Erickson 1993; Cottam 1980]; работы в журнале «Минерва» (Minerva Journal of Women and War. 2008. Spring. № 2), посвященные советским женщинам и обучению гражданской обороне в 1930-е годы: [Ilic 2008; Paynich 2008; Nikonova 2008; Rowley 2008].

Илл. 2. Обложка книги воспоминаний Валентины Чудаковой (1965). Мемуаристки включали в свои воспоминания рисунки, картины и фотографии, создавая тем самым целый мир образов, чуждых послевоенной массовой культуре. Их книги визуализировали историю, в которой женщины-офицеры командовали мужчинами-солдатами, как на этой обложке воспоминаний Валентины Чудаковой о ее службе в качестве командира мужского пулеметного взвода. Из книги [Чудакова 1965]

На какие же культурные, социальные и государственные ресурсы могли опираться Медведева и многие другие, чтобы представить себе женщину-бойца не как оксюморон, скандал или парадокс, а как значимое историческое событие, достойное внимания послевоенных поколений? Как и когда такое самосознание в качестве женщины-солдата стало в принципе возможно?

Чтобы ответить на эти вопросы, в первой части книги я погружаю читателя в атмосферу 1930-х годов и шаг за шагом показываю, как в самой сердцевине официальной культуры сталинизма, в недрах его образовательных, политических и военизированных организаций происходило построение феномена «женщины-бойца» с ее радикальным отказом от традиционных гендерных норм. Однако при этом я не утверждаю, что традиционный императив был сокрушен и полностью исчез. Я говорю о другом — о том, что у этих разнородных пониманий и воплощений гендер-

Конец ознакомительного фрагмента.

Приобрести книгу можно

в интернет-магазине

«Электронный универс»

e-Univers.ru